
ШУМ ЗА БАРНОЙ
СТОЙКОЙ
ИЛИ ЭХО ЧУЖИХ ТАРЕЛОК
Васильева Ирина
18+

Ирина Васильева

Шум за барной стойкой, или Эхо чужих тарелок.

«Автор»
2026

Васильева И.

Шум за барной стойкой, или Эхо чужих тарелок. /
И. Васильева — «Автор», 2026

У каждого заведения есть свои легенды. Легенда «Уголька» — крошечного ресторана в промозглом провинциальном городе — это Злата Архипова. Днем она — идеальный администратор с лицом ангела и хваткой волка. Но когда город засыпает, Злата становится чудовищем: она истинный эмпат, для которого чужая боль — это не абстракция, а вкус металла во рту, а чужая радость — колючий зуд на кончиках пальцев. Чтобы не сойти с ума, она прячется за «стеклянной стеной», но этот щит трещит по швам.Её хрупкий мир рушится в один вечер. В «Уголёк» приходит пьяный инвестор, готовый сжечь ресторан дотла за отказ стать сетевым фастфудом. «Шум за барной стойкой, или Эхо чужих тарелок» — это жесткий, атмосферный роман о выгорании и возрождении. Это история о том, как превратить чужую агонию в высокую кухню, а выжженную душу — в дом. О том, что самый надежный щит от безумия — это идеально нарезанный корень сельдерея и человек, который готов сварить тебе бульон, даже если весь мир летит в пропасть.

© Васильева И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Бремя пустых тарелок. 5
Глава 1. Металлический привкус четверга. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Шум за барной стойкой, или Эхо чужих тарелок.

Часть I. Бремя пустых тарелок.

Глава 1. Металлический привкус четверга.

Четверг в ресторане «Уголёк» пах жареным луком, старым деревом и усталостью. Это был самый коварный день недели: до пятничного безумия еще далеко, а похмельная среда уже отпустила. Люди приходили сюда не праздновать, а зализывать раны рабочей недели.

Для Златы Архиповой четверг пах иначе. Он пах озоном перед грозой.

Она стояла за высокой дубовой стойкой хостес, машинально протирая и без того идеально чистые бокалы. На ней была чёрная униформа, волосы туго стянуты в небрежный пучок, а в мочках ушей скрывались тяжёлые, глухие серебряные плинты. Со стороны они казались просто массивным, немного старомодным украшением. На деле это были акустические экраны. Внутри них, под слоем серебра, прятались пластины из редкого сплава, которые Михалыч, владелец «Уголька», по знакомству выточил у знакомого инженера. Они не блокировали звук, но глушили высокочастотный визг чужой паники. Без них Злата давно бы сошла с ума.

Механика её дара была лишена всякого волшебства и состояла из сплошной физиологии. Чужая радость щекотала кончики пальцев, заставляя улыбаться невпопад. Чья-то глубокая, черная скорбь ложилась на плечи бетонной плитой, сгибая спину. Но хуже всего был гнев. Гнев имел вкус.

Она почувствовала его за секунду до того, как он материализовался в зале. Сначала на языке появился холод — колючий, как сульфат меди. Затем небо начало гореть. Гнев мужчины за четвертым столиком у окна наливался во рту металлическим привкусом, точь-в-точь как кровь из прокушенной щеки.

Злата сглотнула.

За четвертым столиком сидел Игорь — местный бизнесмен средней руки, торгующий стройматериалами. Напротив него — его жена Лена. Злата знала их в лицо, они были «Уголёк» по средам. Сегодня среда сбилась.

Игорь не повышал голос. Он говорил тихо, вкрадчиво, наклонившись через стол. Но для Златы его шепот грохотал, как лист профнастила в ураган. Он обвинял Лену в растрате, в измене, в том, что она превратила его жизнь в фарс. Каждое его слово было отточено годами унижения подчиненных.

Лена молчала. Она смотрела в тарелку с остывающим стейком. Но ее молчание звенело. Это был не купол защиты, а вакуум, черная дыра, которая втягивала в себя весь кислород из помещения. Злата физически чувствовала, как у Лены подкашиваются ноги под столом, как холодеют пальцы, сжимающие льняную салфетку.

Вокруг них начал сгущаться невидимый туман. Посетители за соседними столиками инстинктивно поежились. Официантка Аня, несшая поднос с графином морса, споткнулась на ровном месте и едва не опрокинула его на мужчину в дорогом костюме.

— Осторожнее, коза, — процедил мужчина, брезгливо отодвигаясь.

Его раздражение было кислым, как уксус. Оно ударило Злате в нос. Она стиснула зубы, чувствуя, как глухие серьги начинают мелко вибрировать в ушах, пытаясь сдержать напор.

Нужно было гасить. Прямо сейчас. Если Игорь сорвется на крик, если Лена заплачет, этот эмоциональный гной разольется по всему залу. Ужин будет испорчен для всех. Выручка четверга уйдет в минус. Михалыч расстроится.

Злата поставила бокал, глубоко вдохнула носом, фильтруя воздух, как респиратор, и вышла из-за стойки.

Она не шла — она плыла, лавируя между столиками. Ее походка была расслабленной, плечи опущены. Классическая администраторская пластика: я здесь, чтобы решить вашу проблему, я абсолютно безопасна.

— Добрый вечер, — ее голос прозвучал ровно, с нужной долей профессиональной теплоты. — Игорь Петрович, Лена. Рада вас снова видеть.

Игорь поднял на нее налитые кровью глаза. Его гнев пах железом и дешевым одеколоном.

— Твой «добрый вечер» сейчас в мой стейк волосами упадет, — огрызнулся он. — Не мешай людям разговаривать.

Злата не моргнула. Она положила ладони на край их стола. Дерево было теплым.

— Вижу, у вас сегодня особенный повод, — продолжила она так же ровно, переводя взгляд с мужа на жену. — У нас как раз остался один фирменный десерт. Медовик с лавандой. Он сегодня получился невероятно нежным. Повар добавил туда настоящую ваниль с Мадагаскара. Я бы очень хотела, чтобы вы его попробовали. За счет заведения, разумеется. В качестве извинений за то, что у нас сегодня немного душновато, кондиционеры шалят.

Это была чистая эмпатическая хирургия.

Она не спорила с ним. Она не утешала ее. Она вбросила в их поле абсолютно чужеродный, сенсорный якорь. «Лаванда». «Мадагаскар». «Ваниль». Слова, которые не имели никакого отношения к стройматериалам и изменам.

Игорь на секунду сбился. Его мозг, разогнанный до бешенства, споткнулся о слово «Мадагаскар». Это была доля секунды, но Злате ее хватило.

Она перевела взгляд на Лену. Лена подняла глаза. В них плескалось отчаяние.

— Злата, не надо… — прошептала она.

— Надо, — мягко улыбнулась Злата. — Лена, вы только посмотрите на этот соус. — Она кивнула на тарелку Игоря, где в мясном соке плавилась звездочка бадьяна. — Видите этот оттенок? Он называется «терракота на закате». Михалыч говорит, что если долго на него смотреть, можно вылечить мигрень. Попробуйте. Просто попробуйте.

Злата сделала то, чего боялась больше всего. Она потянулась к Лене и мягко, но уверенно накрыла ее ледяную руку на столе своей теплой ладонью.

Это был контакт.

В ту же секунду вакуум Лены перестал звенеть. Злата приняла удар на себя. Весь ужас, вся униженность, вся боль этой женщины хлынула в Злату через точку соприкосновения их кожи.

В глазах на мгновение потемнело. Пол под ногами качнулся. Злата осталась стоять, улыбаясь, но внутри она падала в ледяную шахту. Она чувствовала липкий страх Лены перед мужем, ее одиночество, ее пустую квартиру, где не работает звонок в прихожей. Злата впитывала это, утрамбовывая чужую боль в свои внутренние резервуары, как хозяйка трамбует квашеную капусту в банку. Главное — не дать перелиться через край.

— Я… я попробую, — вдруг тихо сказала Лена и слабо улыбнулась мужу. — Оставь, Игорь. Пусть принесет.

Игорь моргнул. Гнев не ушел — он был слишком вязким, чтобы исчезнуть так быстро, — но он сменил вектор. Теперь он был сбит с толку.

— Лен, ты чего? — пробасил он, но уже без прежней стали в голосе.

— Хочу десерт, — просто ответила она.

Злата выждала еще три секунды, позволяя их полю немного остыть, кивнула и выпрямилась.

— Сейчас все будет. Аня! — ее голос снова стал звонким, администраторским. — Закажи десерт за четвертый столик. И графин морса. Того, с кислинкой.

Она развернулась и пошла обратно к стойке. Ноги были ватными. Во рту стоял густой, ржавый привкус. Гнев Игоря, пропущенный через истерику Лены, превратился в тяжелую интоксикацию. Она нырнула под стойку, открыла холодильник и достала бутылку воды. Пластиковая крышка с хрустом поддалась. Злата запрокинула голову и влила в себя ледяную, почти замерзшую воду большими, жадными глотками.

Вода не лечила. Она просто смывала. Металлический вкус во рту начал отступать, сменяясь онемением языка. Холод прошел по пищеводу в желудок, гася внутренний пожар.

— Что это было? — Аня, бледная, стояла рядом с подносом. — Я думала, он сейчас в нее вилку воткнет. У меня в ушах зазвенело.

— Кондиционеры, Анечка, — Злата промокнула губы салфеткой. Лицо было бледным, но руки уже не дрожали. — Просто барахлят кондиционеры. Неси десерт. И улыбку не забудь, настоящую.

Она снова вышла в зал. Игорь уже ковырял стейк. Лена маленькими ложечками ела медовик, и по её щекам медленно разливался румянец — не от стыда, а от сахара и тепла.

Злата поправила глухую серьгу в правом ухе. Серебряная плинта была ледяной на ощупь. Четверг продолжался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.